

УДК 316.3/4

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

© 2018 г.

М.А. Казаков

Казаков Михаил Анатольевич, д.полит.н., проф.; профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kazakov_mihail@list.ru

*Статья поступила в редакцию 19.04.2017**Статья принята к публикации 15.01.2018*

Цель статьи – прояснение содержания перманентно пробивающейся к своей реализации в политическом лидерстве тенденции персонификации, для чего в рамках его социальной парадигмы и развития в ней социокультурного подхода выделяются особенности проявления и восприятия данной тенденции, раскрывающие основные направления ее изучения. Персонификация как тенденция современного политического лидерства – признак нормального, полноценного функционирования феномена, не без изъянов в обусловливающих и производных переменных, мониторинг и прогноз которых – залог ее управления. Научная новизна работы – в уточнении имеющихся представлений о предмете, что дает возможность операционализировать теоретические исследования феномена, избежать формализации и узкой психологизации в последующих оценках его эволюции.

Ключевые слова: власть, изменения, политическое лидерство, личность, среда, персонификация власти, персонификация политики, персонификация лидерства, эволюция.

Актуальность темы определяется человеческим измерением тенденции, что сегодня неоднозначно проявляет себя в политическом лидерстве. Находясь в центре отношений власти, которые, как и другие виды социального взаимодействия людей, неизбежно опосредуются самыми разнообразными оценками и взглядами «ведущих и ведомых», создающих в их сознании персонифицированные, субъективные образы данных общественных связей, лидеры призваны не только вершить и воплощать власть, но и обновлять ее формы. Соотносимые, как минимум, с языком, понятным обеим сторонам общественного отношения, и формами культурного общения. В этом смысле современные аспекты лидерства пересекаются с пониманием информации и коммуникации.

Нельзя не упомянуть и три идеальных типа власти М. Вебера: индивидуализированную (персональную), институционализированную и персонифицированную, что отражает власть институтов в конкретных лидерах. С точки зрения биосоциологии, в том числе и такой, что все нации, страны, тем более цивилизации, развивающиеся в истории на основе своего генетического кода, никем и ничем кардинально иным... не станут [1, с. 618], «...значение отображенных форм властных отношений вторично. В функциональном же плане они играют определяющую роль в осуществлении власти... в значительной степени, изменяя характер объектив-

ных социальных взаимозависимостей между гражданами и институтами власти» [2, с. 47].

В этом отношении процесс эволюции отечественного политического лидерства, осознающего, что оно «является властью, осуществляемой «сверху вниз» [3, с. 5], – пример его неразрывной связи с феноменом власти. Она выражается в том, что структура этого лидерства не только шире иных его форм, создает определенный образ власти и общественного устройства, системы знаний и правил в нем. Но и, будучи сплавом ценностей, установок, необходимых для внутреннего согласования интересов и самоорганизации, есть *специфический тип отношения между субъектом и объектом*, соответствующий ему *род (качество) власти*, проявляющих себя через деятельность персон и группы, находящихся на вершине социальной иерархии (Т. Боттомор, Ю. Аверьянов) [4, р. 7; 5, с. 402–403], и готовых в достижении целей, важных для себя и других, к удержанию своих доминирующих позиций в обществе.

В чем сила лидерства и его проблемы в политике, связанной с *целестижением*? Но какую бы из них в соотношении с реально действующим субъектом мы ни рассматривали, из смысла каких подходов к политике ни подходили, всюду видим столкновение *интересов* и моделей *влияния*, функционирующих в логике социальных *изменений*. Лидеры – не только носи-

тели разнообразия первых, но и очагов, пределов вторых, что отражают уровень их мышления и внутренний потенциал. В первом случае, как ведущие, они «тот социокритический интеллектуальный страт, благодаря которому зажигается факел прогресса, магнетически притягивающий взоры людей к себе, организуя их на конкретные исторические деяния» [6, с. 77]. Причем, как заметил В.О. Ключевский, одни заводят, а другие выводят их на покинутую временно историческую прямую [7, с. 316–317], при возможности «проскакивания» развилок и сегодня.

Своевременное определение пределов этих путей, связанных с ними общественных изменений, проявляющихся в установках лидеров и населения на принятие тех или иных ценностей, в готовности идти в направлении реформ, оказывается сопряженным с изучением лидерства как *субъекта трансформации*. Понимание неопределенностей, возникающих здесь в разных областях общества, недопущение их концентрации на практике путем снижения до уровня, обеспечивающего его функциональные потребности, требует от лидеров создания институциональных границ реформ, политических отношений на основе повторяющихся и персонально ориентированных действий. И это лишь видимая часть содержания второго случая политического лидерства.

Его персонификация в таком ключе определяется факторами антропогенеза (очеловечивания) и профессиогенеза (восхождения к высшему уровню профессионализма). В новейшей истории эта специфика наблюдаема с момента возникновения связи, когда власть делегируется объектом субъекту отношения добровольно, а объект, реализуя право отбора и выбора выразителя/представителя своего интереса, закрепляет тем самым его статус и полномочия. В этом смысле политическое лидерство – не только институт власти, детерминированный отношениями ответственности перед электоратом (населением) за сделанный им выбор социального порядка. По Т. Парсонсу – один из основополагающих институтов политической системы [8, с. 97], но и персонально деятельностное начало власти, реализующее себя в сфере публичных общественных отношений посредством конкуренции за политическое (властное) первенство [9, с. 11]. Исходная этого начала – *личность* лидера.

Уместно вспомнить происхождение данного слова (от лат. *persona* – личность). Уже в Древнем Риме оно служило для обозначения специальной маски, используемой актером античного театра. С одной стороны, эта маска помогала ему: оборудованная специальным раструбом, она усиливала звук голоса и доносила его до

аудитории. С другой стороны, она скрывала лицо актера под личиной персонажа. Этимология слова *persona* (*per* – через, *sonus* – звук) показывает, через что звук проходил, отчетливо выявляя и атрибутивную, и двойственную (способствование – препятствование) природу личности. Для чего и используется термин «сущность» (*essence* – бытие), являющаяся во взаимодействии, в том числе при помощи инструментария профессии.

Сущность индивидуального политического лидерства, доказывал в свое время автор, «триедина», «проявляет себя во взаимодействии личностных, организационно-статусных и социокультурных качеств носителя соответствующих функций», что «позволяет выдвинуть проблему выработки критериев зрелости (интегрированности) деятельности политических руководителей на основе оценки их личностной самостоятельности, статусного положения и доминирующих типов ценностно-смысловых ориентаций» [9, с. 11, 12]. Однако многое осталось за скобками. Представление «не каждый человек – личность» рождало в древности героическое видение царей и полководцев, позже – сакрализацию монархов и вождей, что при отсутствии реальных правовых рычагов контроля деятельности генсеков и президентов до сих пор сохраняет за вождизмом право считаться сущностью персонифицированной власти.

Оно служит оправданием манипулятивных практик в современном образовании и политике, когда из-за непрофессионализма отдельных членов организации, так или иначе отождествляемой с потенциальным лидером, в этих системах проявляются признаки нестабильности при реализации тех или иных политик. В этом контексте выработка адекватной концепции персонификации лидерства – путь интеллектуальной борьбы и взаимосвязи различных парадигм. Здесь же стоит отметить и значение социокультурного подхода, что связано с изучением реальной политической культуры в контексте происходящих в обществе изменений и обратного воздействия субъективных факторов на социальные процессы.

В их числе и усиление личностного фактора в структуре современной власти, что, отражая изменения в социальной среде, сделало актуализацию *персонификации* (с акцентом на «персоне – личности», «лице – лице», «*fasere* – делать») востребованной. А ее отличие – стремление человека быть *самим собой*, в соотношении с деятельностью лидеров – специфической стороной политической реальности. В персонификации как таковой происходит рост *индивидуации* человека – *связи личности с самостью*,

высокими идеалами – Богом (К. Юнг) [10, с. 298, 314], ослабление противостояния личности и тени в личности человека, отказ от ее фасадов. Протекающий по восходящей линии процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур. Увеличивает степень *позитивности, эмпатичности и конгруэнтности* человека (К. Роджерс) [11, с. 156–160], что и являются ее параметрами. Включенные же в процессы лидерства, они позволяют «ведущим» развивать и полнее реализовывать свои возможности, что можно анализировать с позиций социологии.

Там, где обыденное, ненаучное знание видит причины, политологи и социологи усматривают следствия, свидетельствующие о социальных сдвигах и тенденциях. В конечном счете, «наличие институтов и процесса институционализации не является спецификой политики и представляет собой всего лишь частный случай более сложной антропологической реальности, а именно того, что человек есть живое существо, причем единственное, обитающее в *искусственной среде*» [12, с. 21]. Лидеры – не исключение. Но чтобы определиться с их новой политической миссией, в рамках которой лидерство и предстает персонифицированной совокупностью социальных ролей, необходимо свести несколько исследовательских линий в нечто целое в контексте главного «нерва» эпохи.

Им является общемировой политический тренд – изменение роли государства и иных институтов, трансформации их сущности и форм, что меняет не только структуру политического рынка, но и его эффективность в ответах на вызовы современности. Сегодня все (группы, институты) шокированы царящей в ней *неопределенностью*, но реагируют по-разному. Государства перекалывают вину за ее усиление друг на друга. Элиты не справляются со своим предназначением ее обуздания. Партии, утрачивая представительство, «сами являются продуктом управления». Число реально противодействующих вызовам равно числу тех, «кто на законных основаниях осуществляет политическую власть» [13, с. 167]. Это лидерская группа.

Те же, кто в нее не входят, противоборствуя между собой, используют в информационно-коммуникативном пространстве, по сути, одинаковые методы, понятия, техники. Разница состоит в том, что «на Западе» «демократический метод – это такое институциональное устройство, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» (написано Й. Шумпетером в 1942 г.) [14, с. 524]. И здесь

же он говорит, что лидерство *есть нечто значительно большее, чем личные качества человека*, так же как *функционирование и достижения этого метода в реальности гораздо важнее исполнения общей воли*. Через раскрытие феномена лидерства можно прояснить то, откуда возникает идеология, что потом «возводится в ранг воли народа – не вытекает из их инициативы, но формируется... и это важнейшая часть демократического процесса» [14, с. 346].

У нас – «...такие понятия как «демократия», «выборы», «право», «свобода», имеют в современной России по-прежнему характер инструментальных понятий, создающих видимость, но ничего не определяющих»; «Несмотря на достижения новых технологий, главными техниками остаются полуправда, формирование повестки, способы подачи информации»; «Принимая во внимание... эти действия, решающим фактором в политической борьбе... видится не информационный фасад, а административный ресурс» [15, с. 104]. Аргументированно оппонировав по этим и другим пунктам, В. Никонов пишет: «Сами Путин и Медведев уверены, что демократия в России существует, пусть и в не идеальном виде (а где она идеальна?)» [16, с. 397].

По мере осознания этой дихотомии «авторитаризм – демократия» стала если не сходить, то «осторожнее» объяснять постсоветское лидерство. С разницей в акцентах, за рубежом – в комбинированных факторах «выживания авторитаризма» (Д. Браунли, С. Левицки, Л. Уэй) [17, с. 100] *в сложно организованных средах*. У нас, на переходности в них как местах, где происходит функционально мотивированное, информационно-коммуникативное, ценностное упорядочивание социальных отношений. С неким общим вектором в методологии при отличиях в ракурсах исследования. Так, в качестве теоретического подхода все шире, например, используется синтез *конструктивизма и инструментализма*. Первый понимает лидерство как социальный конструкт, принуждая аналитика не забывать об идейно-ценностной составляющей, что воспроизводится в практиках. Инструментализм позволяет в процессе социального конструирования выделять заинтересованных акторов, их ресурсы, стратегии. Значение потенциала публичного лидерства здесь видится в качестве одного из ключевых ресурсов устойчивого развития общественно-политической жизни. Среди авторитетов конструктивизма отметим П. Бергер, Т. Лукмана [18], Ф. Барта [19], Б. Андерсона [20], П. Бурдые [21]; инструментализма – Э. Хобсбаума, Т. Рейнджера [22], Р. Уортмана [23]. Метод апробирован на российском материале.

В центре работ, рассматривающих политическое лидерство РФ через персонифицированный фокус, с одной стороны, немало исследований феномена в политико-психологических аспектах массового восприятия политических деятелей (Е.Б. Шестопап [24], Н.Г. Щербинина [25]), в стратегиях имиджево-репутационной политики, особенно. Менее скромно изучение политического лидерства в актуальном региональном контексте (Н.А. Баранов [26], К.С. Идиатуллина [27]), несколько активизировавшееся на модернизационной волне. С другой стороны, лишь набирает силу «персонифицированный» срез лидерства на материалах процессов конструирования идентичности, в том числе «на местах». Но практически слабо изученным он остается в проблемном поле «превращенных форм» публичной политики и ее символично-смысловой сферы (О.Ю. Малинова [28], Э.А. Паин [29]).

В критериях эффективности также мало что принципиально изменилось, если не считать, что в рамках «возможностного подхода», поддерживаемого Программой развития ООН [30], ключевым индикатором развитости общества является возможность выбора человека. Развитие понимается как «расширение свободы», которое есть его цель и одновременно средство на пути преодоления ограниченности выбора [31, с. 197]. Но не надо забывать и об управлении свободой [32, с. 96–98], с навязанной нам не столько идеологической, хотя от этого не уйти, сколько информационной войной [33, с. 85]. В этой ситуации наша социальная наука парадоксальным образом преуспела в адаптации зарубежного опыта к кризисному фону политики, нежели в создании концептуальной базы посткризисного лидерства. Актуально, в связи с чем, внимание к смене условий, в соответствии с которыми происходит наделение лиц полномочиями, а посредством их слияния с индивидуальными качествами лидера – *персонификация власти* [34, с. 113].

Как тенденция она осуществляется при определенных обстоятельствах, и потому начнем с их разбора. В массовом сознании, если в нем кем-то к этому стимулируется интерес, «персонификация» воспринимается с момента взятия лидером какой-либо определяющей позиции (мэра, губернатора), ассоциации с ней возможностей достижения, трансляции узнаваемости «себя в мире». Однако это не персонификация, а персонализация, создаваемая ограниченностью индивидуума от других, обретением особой оболочки, что обозначает его как персону, или маску. С ней лидер может долго жить и действовать. Пока (в силу разных причин) он сам либо кто-то иной не догадается с

него ее снять или «сорвать». Личная драма, если за ней кроме активов – пустоты души.

Когда же лидер сам (пусть исподволь) сдвигает маску по горизонтали или утончает роль персоны по вертикали – это некий старт персонификации, что в социальном контексте, как умно подметил О. Уайльд, означает: «Будь самим собой. Прочие роли уже заняты» [35]. Постановка подобного тренда переводит проблематику лидерства, а шире – элитизма, в плоскость исторической динамики и влечет за собой ряд вопросов. Один из них неоднократно ставит политология: может ли внутренняя эволюция сама по себе вывести лидерство или элиту к нормальному состоянию, сопоставимому с нуждами общества?

Автору он был поставлен научным руководителем еще в аспирантуре МГУ в 1989 г. Из чего в новизне диссертации появились «уточнения представлений о сущности политического лидерства как персонифицированного образа власти». А в конце работы – суждение о том, что «изменить социокультурные параметры отечественного лидерства представляется возможным только на протяжении длительного времени и, видимо, на базе другой генерации лидеров, менее склонных к радикализму. Лишь в условиях углубления и расширения демократических преобразований в России политиков, движимых утилитарными и патриархальными представлениями о власти, сменят те, для кого источником их политического лидерства является суверенная воля народа» [9, с. 10, 21]. Это вошло в лейтмотив этапа становления отечественной политологии, трансформируясь вместе с ней, в более адекватные версии теории лидерства [36].

Ныне одна их ветвь ушла в когнитивную сферу политики, внутренние механизмы мироориентаций лидерства. Другая, более продвинутая их часть, в русле консьюмеризации политической среды все теснее стала смыкаться с феноменом *медиатизации политики* («государство-спектакль» или «PR-государство»), что, в свою очередь, связано с развитием средств массовой коммуникации. На фоне реального сокращения дистанции между властями и массами лидеры, *старанием СМИ*, поддерживаемых определенной группой элиты, стали выступать в образе живых людей, наделенных в соответствии с традициями особыми полномочиями и функциями. В частности, именно поставляемый ими материал о месте и роли лидеров в стране создавал субстанцию их образа, а потом уже имиджа, получавшего поддержку избирателей. Такой алгоритм С.Н. Пшизова считает российской спецификой. И таких особенностей, связанных с преобладанием того или иного инсти-

тута (сегодня это внутрикорпоративный политический консалтинг), наберется немало.

Обратимся к *эволюции самой тенденции*. Персонализация лидерства, имея своим источником многоликость власти, не исключает воздействия на ее формирование иных (в том числе негативных) форм власти и других институтов с учетом их цивилизационного контекста в закреплении власти. Как тенденция она «живуча», чередуя в основании то потребности субъекта власти в образе, отображающем связи ведущего и ведомых, то объективные вызовы организованных систем. В первом случае, выступая от имени группы (элиты), лидер осуществляет ее представительство (реальное или символическое) во взаимодействии с другими особыми группами, в том числе религиозного типа. Образ лидера при стечении обстоятельств становится элементом создания групповой идентичности, «важнейший аспект ее оформления – персонализация в каком-либо личностном образе» [37, с. 75]. Во втором случае к ним, как минимум, относится потребность в самоорганизации, упорядочении действия (поведения) иных элементов системы в целях обеспечения ее стабильности.

По мере усиления потребности системы и самих людей в сложно организованных коллективных действиях, их осознания в форме коллективных целей (идеологии) спецификация функций лидера и его структурное, институциональное обособление повышается. Субъективные аспекты такого выделения наглядны в переходных ситуациях (мандат на «чрезвычайное управление», конфликт «групп интересов» и т.д.), когда сосредоточением исторического выража выступают индивидуальные способности, готовность человека к возложению и выполнению роли лидера, а также признание за ним права на руководство со стороны группы, организации, общества. Эффективность коллективных действий требует от ведущего более четкой структуры специализации, оперативности управления, иерархии подчинения, формально-юридического закрепления его легитимности.

«Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [38, с. 33]. Концентрация власти в их руках нередко приводит к тому, что персонализация лидерства подменяется его персонализацией (вплоть до «культы личности») в условиях тоталитарного режима, что, безусловно, отдельная история. Но опыт

позволяет говорить, что уже на «разноскоростном» этапе перехода от него возникает потребность не только в *иной* институционализации лидерства, но и его персонализации.

Институционализация лидерских позиций находит отражение в понятии «формального лидерства». Отмеченное рационализацией властных отношений, оно представляет собой приоритетное влияние некоего лица (группы) на членов организации, закрепленное в ее нормах/правилах и основывающееся на положении в общественной иерархии, месте в ролевых структурах. Однако так как достижение этого – полнокровный, системный процесс, связан он не только с профессионализацией, но и с персонализацией в зависимости от времени и социокультурного контекста в цикличности политического развития, «оборачивающейся» еще и деперсонализацией. На практике – это различные феномены, знаковые для политического процесса. Деперсонализация (с развенчанием мифов прежних вождей и их клиентел) – примета переустройства России 90-х гг. XX века. Персонализация в многообразии проявлений – черта политической жизни современной РФ. Объективно, проявления эти тоже разного качества. Но фиксируемые и оцениваемые, они лишь подтверждают взгляд на механизм эволюции самой тенденции.

Ее содержание проясняется на этапах самоопределения и самоорганизации лидерства в условиях современности [39, с. 75], когда изучение проблем его трансформации в русле новых подходов (в рамках той же социальной синергетики) вновь оказывается рефлексией особенностей проявления/восприятия «личностного начала», применительно к когнитивным процессам, «личностность» в синергетическом контексте, – пишут В.И. Аршинов и В.Г. Буданов, – характеристика, от этого контекста неотделимая, более того, его, этот контекст, порождающая и определяющая» [40, с. 69]. «Субъектность» процессов социальной самоорганизации, – уточняет А.В. Дахин, – означает, что неперенным фактором их протекания является субъективная воля, мотивация, телесная архитектура социального субъекта. ...Точнее говоря, социальная самоорганизация нового актора проявляется как становление: а) самого *актора*, его идентичности, статуса, структуры его телесности; б) пространства активности актора» [41, с. 14], в строении которого («центр – периферия» и т.п.) она и реализуется.

Процесс уточнений на этом не заканчивается, но уже позволяет перейти к проблематике изменений лидерства в конкретных пространствах, типах власти, устанавливающихся в

определенных обществах. Они не только раскрывают важные стороны явления, но и порой меняют представления о национальном лидерстве, становясь основой более четкой его теоретической модели, что объясняет природу политики и власти не только в настоящем, но и на шаг вперед. Начнем как учил Р. Арон, с фактов, близких нашей теме, и прежде всего с того, что в мире политики формальный аспект, пребывая ведущим, испытывает проблемы. При упомянутой выше неопределенности, сказывающейся на состоянии политической системы, ее идеологии, культуре, партийной сфере (А. Панебьянко, П. Мейр), поведении избирателей на выборах (М. Кинзо, В. Гончаров) [42], все заметнее выступают черты персонализации политики.

«...Партии превращаются в модель «catch all party» с размытой социальной базой и еще менее четким идеологическим базисом. Изменяются и факторы, влияющие на электоральное поведение: избиратели принимают решения, основываясь не на рациональном обдумывании программы кандидата или партии, а на личной симпатии к человеку, выдвинувшему свою кандидатуру на выборах. В этой связи и появился термин «персонализация политики»: избиратель оценивает политического лидера не столько по конкретным решениям, сколько по личным характеристикам, испытывая симпатию или антипатию к его персональным качествам» [43, с. 82]. Понимание этого процесса нам представляется более глубоким по содержанию и структуре, как минимум, по трем причинам. Во-первых, это отражение той самой развилки в выборе сценария национального развития. Во-вторых, это формирование адекватного «национального идеала» и поиск его инструментария в виде политологии и социологии как мировых наук. В-третьих, это спрос на исследователей, экспертов, работающих на стыке дисциплин и осознающих смысл их изучения в рамках прикладных отраслей, способных трансформировать идеи в технологии, в частности, мобилизации. Так, Дж. Маццолени выдвинул в начале XXI века тезис о том, что во многих демократических странах «персонализированное лидерство» – главная черта современного политического процесса. И именно оно влияет на политическое поведение людей [44] в связи с изменениями институциональной среды политики, структурных компонентов лидерства, обусловленных культурой. Ранее в соавторстве с В. Шульцем он написал работу о медиатизации политики (1999 г.), давшую старт широкой дискуссии на Западе.

Тем самым они расширили тему и одновременно активизировали адаптацию действующих политических институтов к последующему кри-

зисному контексту. *Персонализация лидерства как тенденция* оказалась связанной в своем влиянии на политическое поведение социальных групп не внутренними изменениями феномена, а зависимостью от степени проникновения СМИ в частную жизнь граждан. В российской науке это явление «предали гласности» в 1989 г., в нашумевшем тогда сборнике статей «Тоталитаризм как исторический феномен». В начале 1990-х гг. тема уже в разных форматах была заявлена в публикациях В.В. Ильина, Ю.А. Левады, А.С. Панарина, В.П. Пугачева, А.И. Соловьева, А.Б. Орлова, Е.Б. Шестопал и других [45]. А осмысление отечественного опыта трансформации СМИ нашло отражение в концепции медиакратии.

По мнению ее автора А.И. Соловьева, *медиакратия* представляет собой «не что иное, как особую форму исторической эволюции политического пространства и организации публичной власти...». При ней «СМИ, а также иные конструкты массовых сообщений выступают ключевыми посредниками в системе представительства гражданских интересов и оказывают решающее влияние на принятие государственных решений» [46, с. 226]. Интерпретаций на этот счет также достаточно. Выделим лишь, что вектор воспроизводства исследуемой тенденции на современном этапе оказался перехвачен СМК и маркетинговыми технологиями. Их совокупный медиапродукт превратил сферы социума в символическую среду, что формирует представления о реальности с позиции доминирующей группы.

В условиях глобализации властные институты и политические организации вынуждены в своей деятельности опираться на аудитории телевидения и Интернета, взаимодействуя с медиакратией, в персональном раскладе являющейся «50 на 50» лицами, назначенными крупным бизнесом и высшей властью. Но перемещение СМК в центр политического поля, обретение ими новых функций, не «мешает» лидерству на государственном уровне (или корпораций) проводить свою политическую линию, что не так очевидно в разных странах. Отдельного лидера при этом и, прежде всего, личность политика оценивают ныне более критично, причем иногда в большей степени, чем его решения, в широком диапазоне учета обрамляющих его поведение структурных звеньев, причин и условий. Сегодня сюда входит не только анализ процессов персонализации политики и власти, образов страны, политиков, партий, но и *трансформаций форм правления, разновидностей политики*, которые нередко скрываются за фасадом имиджа.

Особенно этот анализ ныне касается тех те-

невых структур, что доходят до сознания граждан уже устоявшимися «превращенными» формами (в виде клиентел, кланов и фирм), а значит, имеющих предысторию. Чаще всего она характеризует, как наряду с публичными видами взаимодействия конкретными субъектами в определенное время и определенном месте допускалось доминирование в процессе принятия решений различных неформальных групп и связей. Примеров из современной жизни предостаточно. Сегодня, когда новый запрос на лидерство исходит от президента РФ и проявляется в курсе на омоложение корпуса публичных политиков, интереса к личностям, что могут принести новые идеи и сплотить региональные элиты [47, с. 6], персоналистский идентификатор – ясен и понятен. Функцию центра, организующего нацию, выполняет В.В. Путин. А кто и каким образом на других уровнях власти? Эти и другие вопросы – тема следующей теоретической статьи.

Персонификация как тенденция современного политического лидерства, таким образом, признак нормального, полноценного функционирования феномена. Специфика ее проявления состоит в персонализации политического продукта лидера как востребованного решения общественной проблемы, его восприятия как общего блага, достижение которого в данном случае осуществляется через персонификацию образа лидера, его политики и власти. Управление ею – это учет внешних и работа с внутренними факторами, влияющими на динамику тенденции, мониторинг управленческой среды, активных действий лидера и их прогнозирование, направленных на устойчивое развитие национальной идентичности.

Проблемная часть изучения персонификации лидерства связана с выявлением и оценкой альтернативных моделей требований системы и ожиданий общественного мнения, где подлинный лидер всегда находится в центре событий, несет ответственность за их последствия. И у него, условно, есть все, включая власть, образ, имидж, что может, при скрываемом отсутствии воли, препятствовать проведению эффективной политики. При наличии воли и открытости власти – обеспечивать ее социальный успех.

Список литературы

1. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М.: Издательство «Э», 2015. 672 с.
2. Соловьев А.И. Психология власти: противоречия переходных процессов // Власть многоликая. Российское философское общество, 1992. 184 с.

3. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Пер. с англ. Г.М. Квашнина. М.: РАУ, 1992. 135 с.
4. Bottomore T.V. Elites and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1976. 160 p.
5. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во МКУ, 1993. 431 с.
6. Шепель В.М. Человеческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование, 1999. 431 с.
7. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.
8. Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
9. Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М.: МГУ, 1993. 22 с.
10. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
11. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.
12. Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр., предисл. А.Б. Гофмана. М.: Изд-во «Весь мир», «ИНФРА», 2001. 406 с.
13. Пшизова С.Н. Спин-контроль в системе политических коммуникаций // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы Восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. 326 с.
14. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
15. Урсу Н.С. Внутренний контур национальной безопасности // Национальная безопасность. 2012. № 1(18). С. 102–105.
16. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015. 880 с.
17. Крастев И. Парадоксы нового авторитаризма // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3-4 (52). С. 96–105.
18. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 324 с.
19. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
20. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
21. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
22. The Invention of Tradition / Eds. by E. Hobsbaum, T. Ranger. Cambridge, 2003. 320 p.
23. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии (в 2 томах). М.: ОГИ, 2004. 597 + 797 с.

24. Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
25. Щербинина Н.Г. Теории политического лидерства. М.: Весь мир, 2004. 184 с.
26. Баранов Н.А. Особенности политического лидерства в современной России // Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3 ч. СПб.: БГТУ, 2004. Ч. 1. 124 с. Ч. 2. 183 с. Ч. 3. 167 с.
27. Идиатуллина К.С. Политическое лидерство в институциональном дизайне национальных республик Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 66–79.
28. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
29. Идеология «особого пути» в России и Германии: Истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина. Институт Кеннана. М.: Три квадрата, 2010. 320 с.
30. UNDP (United Nations Development Programme). Human Development Report. New York: Oxford University Press, 1990. 141 p.
31. Савельев Ю.Б. Критерии модернизации в 21 веке: эмансипационные ценности и социальное включение // Гуманитарии в XXI веке / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. 696 с.
32. Пугачев В.П. Управление свободой. М.: Изд-во «Комкнига», 2005. 268 с.
33. Беспалов Д.Н., Казаков М.А. Информационная война и обеспечение безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6(39). С. 82–87.
34. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: Питер, 2009. 395 с.
35. Уайльд О. Мысли, афоризмы и фразы / Сост. К.В. Душенко. М.: Эксмо, 2013. 368 с.
36. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. 288 с.
37. Евгеньева Т.В. Технологии социально-политических манипуляций. М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2010. 90 с.
38. Норт Д. Институты, институциональные начала и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 112 с.
39. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России: Монография. Н. Новгород: НГТУ, 2004. 332 с.
40. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 65–108.
41. Дахин А.В. Сценарии региональной модернизации в современной России: Практикум когнитивного моделирования. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014. 124 с.
42. Иванов В.К., Гаганова Е.В. Развитие внутрикорпоративного политического PR-менеджмента в современной России // Право и управление. XXI век. 2015. № 3(36). С. 39–44.
43. Касамава В.А., Сорокина А.А. Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 81–94.
44. Mazzoleni G. A Return to Civic and Political Engagement by Prompted by Personalized Political Leadership? // Political Communication. 2000. Vol. 17. Iss. 4. P. 325–328.
45. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология / Под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1995. 254 с.
46. Соловьев А.И. Медиакратия // Политология. Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. 800 с.
47. Дахин А.В., Казаков М.А., Макарычев А.С. и др. Перспективы стратегии публичной политики губернатора Нижегородской области: аналитические оценки, общественное мнение, тенденции. Аналитический доклад / Под ред. А.В. Дахина. Н. Новгород: НИЦ СЭНЭКС, НИЦ «ЭОН», 2010. 35 с.

PERSONIFICATION AS A TREND OF MODERN POLITICAL LEADERSHIP: SOME CHARACTERISTICS OF ITS MANIFESTATION AND PERCEPTION

M.A. Kazakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the article is to clarify the content of the trend that finds its implementation in political leadership. For this purpose, within the framework of its social paradigm and the development of the sociocultural approach, features of the manifestation and perception of this trend are identified that reveal the main directions of its study. Personification as a trend of modern political leadership is a sign of a normal and meaningful functioning of the phenomenon, and although it may have some flaws in its determinant and derivative variables, the monitoring and forecasting of these variables is the key to controlling it. The scientific novelty of the work consists in clarification of the existing ideas about the subject, which makes it possible to operationalize the theoretical studies of the phenomenon, to avoid formalization and narrow psychologization when assessing its evolution.

Keywords: power, change, political leadership, personality, environment, personification of power, personification of politics, personification of leadership, evolution.